

DOI 10.15826/qr.2023.3.830

УДК 94(470)"17" + 94(495)"17" + 339.522 + 929БоцисИван

**Одиссея капитана Боциса:
к биографии российского флотоводца***

Алексей Ястребов

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**Captain Botsis' Odyssey:
On the Biography of the Russian Naval Commander**

Alexey Yastrebov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Referring to archival data of the RGADA (Relations with Venice Fund), this article provides new information about the little-known period of life (1700–1703) of Ivan Botsis related to his transition to the Russian service and directly preceding it. Until now, there is no full-fledged biography of the outstanding associate of Peter the Great, and this study supplements the information about his life full of dangers. Botsis played a significant role in Russia's success in the Baltic Sea during the Northern War, so filling the gap in his biography is of particular interest. Based on the information introduced into scholarly circulation, the author draws information about his activities immediately after the Morean War (1684–1699). Although he is primarily known as a Russian naval commander, based on the data studied, one may conclude that in his homeland, he proved himself to be a loyal subject of his new homeland, the Venetian Republic, in military affairs. And after the end of the conflict and the conquest of the Peloponnese by Venice, showered with honors, he tried to succeed in a peaceful profession, trading business, and not so much as a merchant but as a coordinator of the commercial activity of his compatriots for private and public benefit. At the peak of his career, the enterprising and even adventurous nature of the Greek captain led him to a conflict with the Venetian and Ottoman authorities, and the hope for the Russian tsar as the deliverer of the Greeks from Turkish rule and sympathy for his military enterprises during the Northern War made him abandon a privileged

---

* *Citation:* Yastrebov, A. (2023). Captain Botsis' Odyssey: On the Biography of the Russian Naval Commander. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830.

Цитирование: Yastrebov A. Captain Botsis' Odyssey: On the Biography of the Russian Naval Commander // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830 / Ястребов А. Одиссея капитана Боциса: к биографии российского флотоводца // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 993–1009. DOI 10.15826/qr.2023.3.830.

position in his homeland and embark on a perilous journey to Russia to serve Peter I. The details of his risky escape, described in a petition addressed to the tsar, resemble an excerpt from an adventure novel. The appendix of the article contains previously unpublished documents, i.e. a petition of Captain Botsis and an excerpt of a decree of Tsar Peter on the allocation of his salary.

Keywords: Ivan Botsis, Petr Tolstoy, Venice, Nafplio, consulate, petition

В статье на основании изученных архивных данных РГАДА (фонда «Сношения с Венецией») приводятся новые сведения о малоизвестном периоде жизни Ивана Боциса (1700–1703), связанные с его переходом на русскую службу и непосредственно ему предшествовавшие. До сих пор нет полноценного жизнеописания выдающегося сподвижника Петра I, и настоящая публикация дополняет сведения о его полной опасностей жизни. Боцис сыграл важную роль в успехах России на Балтийском море в период Северной войны, поэтому заполнение лакуны в его биографии представляет особый интерес. Из вводимых в научный оборот сведений автор статьи черпает информацию о его деятельности в период, непосредственно следующий за Морейской войной (1684–1699). Хотя Боцис известен в первую очередь как российский флотоводец, на основании изученных данных становится очевидно, что у себя на родине он ярко проявил себя в военном деле как верный подданный своей новой родины – Венецианской республики, а по окончании конфликта и после завоевания Пелопоннеса Венецией, осыпанный почестями, пытался преуспеть и в мирной профессии – торговом деле, причем не столько как купец, сколько как координатор коммерческой активности своих соотечественников для частной и государственной пользы. Предприимчивый и даже авантюрный характер греческого капитана привел его, находившегося на пике своей карьеры, к конфликту с венецианскими и османскими властями, а надежда на русского царя как на избавителя греков от турецкого владычества и сочувствие его военным предприятиям в ходе Северной войны – к решению отказаться от привилегированного положения в своем отечестве и отправиться в полное опасностей путешествие в Россию, чтобы служить Петру I. Подробности его рискованного побега, описанные в челобитной на имя царя, напоминают отрывок из приключенческого романа. В приложениях к статье публикуются неизданные прежде документы – челобитная капитана Боциса и отпуск с указа царя Петра о выделении ему жалованья.

Ключевые слова: Иван Боцис, Петр Толстой, Венеция, Нафплион, консульство, челобитная

Будущий шаутбенахт российского флота граф Иван Боцис (†1714) – личность, несомненно, очень яркая. Уроженец Пелопонесского Нафплиона (*венец.* – Napoli di Romania), перешедшего в результате Первой Морейской войны (1684–1699) вместе со всем полуостровом под власть Венеции, он представлял один из местных знатных родов, которые сотрудничали с венецианцами в течение очередного

многолетнего противостояния с Османской империей¹. История же его российской службы изложена у российских дореволюционных исследователей [Берх, с. 221–238; Веселаго, с. 245–248].

Обладая недюжинными организаторскими способностями и личной отвагой, он отличался также порывистым и неуживчивым характером. Новые сведения, почерпнутые из РГАДА, рисуют его как человека предприимчивого, не всегда разборчивого в средствах достижения своих целей и очень эмоционального. О его сложных отношениях с сослуживцами в России достаточно хорошо известно [Веселаго, с. 246–247], но и предыдущий период не был безоблачным.

В этой работе рассмотрен переходный период его жизни, связанный с окончанием карьеры у венецианцев и переходом на русскую службу. Опираясь на данные нескольких документов, два из которых – письма самого Боциса на имя дожа и на имя царя, а также справки венецианских властей и сведения, предоставленные Боцисом в Посольский приказ по приезде в Россию, попытаемся восстановить перипетии его богатой событиями жизни этого периода (1700–1703).

Итак, по окончании Морейской войны в 1700 г. Иван Боцис решил заняться государственно важным и одновременно лично прибыльным делом – стать консулом, то есть торговым агентом, старшиной греков-подданных Османской империи, которые прибывали с товаром в столицу Пелопоннеса Нафплион.

В своей челобитной на имя Петра от 28 мая ст. ст. 1703 г. он сообщает, что чин, в который он был поставлен, «тяжкий и вельми бедственный» (прил. 1). Видимо, эти слова должны были означать, что консульство, которым он «почтен от сената», было для него более обязанностью, чем предметом его личной заинтересованности².

Однако же из итальянских источников следует совсем другое. Боцис, конечно, сам ходатайствовал об учреждении консульства в Нафплионе, что явствует из его прошения на имя дожа от 19 июня 1700 г. Он сообщает, что греческие купцы «ищут кандидата в их консулы, способностям которого, надежности и опыту могут они доверить свои дела» [Οικονόμου, s. 255]. Таким образом, это греки уговорили Боциса выступить с прошением, в котором он как раз и сообщал, что ему было доверено собирать налоги, благодаря чему они выросли на 10 тыс. реалов [Ibid.].

Итальянские чиновники в своих отзывах на его прошение характеризуют его исключительно положительно. Его заслуги перед республикой несомненны: благодаря знанию нескольких языков грек часто привлекался в качестве переводчика, а также храбро сражался, чему есть несколько доказательств, в том числе «пространное» (αμπρίο)

---

¹ В ходе Морейской войны (1684–1699), являвшейся частью войны «Священной лиги» (1683–1699) против Османской империи, венецианцы овладели Пелопоннесом и некоторыми областями Далмации.

² Речь идет о его втором консульском месте на Кикладах и Спорадах. Нафплион был первым.

свидетельство бывшего главнокомандующего морских сил республики капитан-генерала Антонио Дзено [Οικονόμου, s. 456–459].

Обратим внимание, что консульство должно было служить грекам – подданным Порты. Для сегодняшнего дня выглядит странно, что подобная активность велась без ведома властей заинтересованной державы. Это объясняется тем, что в этот термин вкладывался вполне коммерческий смысл – «торговое представительство». Впрочем, дабы избежать на будущее любых обострений с турками, совет Пяти мудрецов даст рекомендацию изменить названия консульства в Нафплионе, которое будет впоследствии называться «торговым агентством». Цель была понятна – рано или поздно турки потребовали бы обычного права самим назначать консулов для своих подданных [Ibid., s. 447; Pedani, p. 196–197].

Беспокойный характер Боциса быстро проявил себя и на новом поприще. Его имя в следующем 1701 г. вновь всплывает в официальной переписке, опять в качестве кандидата на должность консула, но в этот раз не его родного Нафплиона, а островов Эгейского моря – архипелагов Киклады и Спорады. С чем было связано такое довольно радикальное изменение локации, сказать трудно. Зато в той информации, которую граф сообщил о себе в Посольском приказе, как раз фигурирует архипелаг, причем, по его словам, упомянутое им в письме дожу право сбора налогов он имел вовсе не в Морее, а именно на островах архипелага, он сообщает даже сумму – 200 тыс. ефимков (то есть 100 тыс. руб.!), которые ему якобы удалось собрать тогда с островов Эгейского моря. Характерно, что в письме употребляется термин «гарач», разновидность дани с христиан в Турции:

...учинили его консулом на всех островах Архипелажских, дав под власть его все корабли и капитанов и рядев, сиречь судитов принципских, которые в те острова приходили... [Боцис] объезжал острова на каторгах и кораблях для сбора гарачю с островов... [Елагин, с. 1]³.

Действительно, речь идет не только о венецианских гражданах, но и о подданных Османской империи. Что-то заметно отличающееся от его же слов в письме к дожу от 19 июня 1701 г. о сборе налогов в Морее, нечто больше похожее на насильственный отъем денег, тем более что тут же добавлено: «имея и разбойников всех под своим покорством» [РГАДА. Ф. 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1–1 об.]⁴. И еще в другом месте: «И разбойники островов, имея все к нему любовь, как услышат о нем, будут приходить в службу великому государю» [Елагин, с. 2]. Больше похоже на действия в военное время, однако в Москве грек настаивает

³ У Елагина пропущено слово «рядев», вместо него стоит многоточие. Ср.: [РГАДА. Ф. 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2 об.]. Странно, что Боцис употребил слово «райя», которым обозначают как раз христиан – подданных Османской империи, а не «судитов принципских», то есть граждан Венеции.

⁴ У Елагина описка – 20000 ефимков: [Елагин, с. 2].

вал, что это входило в его консульские полномочия. Забегая вперед, скажем, что едва ли он успел проявить сколь-нибудь значимую активность на Кикладах и Спорадах в 1701–1702 г.

Таким образом, его рассказы о собственной эффективности в части налогов и сборов либо являются чистым вымыслом для Посольского приказа, либо относятся ко времени Морейской войны, но тогда речь неизбежно пойдет не о «консуле Боцисе», а о «капере Боцисе». Тем не менее, подчеркнем, что новая должность опять была целиком его личной инициативой, а не «тяжким и вельми бедственным» чином: он вновь пишет властям, перечисляя выгоды от его открытия. Мнение совета Пяти мудрецов и здесь было положительным: 24 февраля 1701 г. Боцис был назначен консулом Киклад и Спорад [ASVe. V Savi alla Mercanzia. Registri. Reg. 167 (risposte). F. 98–99].

Однако то малое, что успел совершить Иван Боцис на посту избранного, но не окончательно утвержденного консула Венеции в архипелаге, неожиданно стало прологом к его будущей успешной карьере в России.

Согласно собственному свидетельству, ему требовалось отправиться в Стамбул для ратификации его новой должности:

...чин консульский надлежит [я]⁵ усмотрив, что имущем имети и грамоты от салтана, чтобы ведать мне по временам и согласие в случайных делех. Того ради и другим увещанием того ж сената вооружив фелуйку двадцать четырьмя человеки пошел я в Царь град 1702 иуния в 12 день.

Однако Боцис со свойственной ему деловитостью заехал по дороге на острова архипелага: «по кратком осмотрении и описании, бывшем от мене в островах архипелага, в 40 дней достиг Царя града», то есть прежде, чем отправиться в Турцию, грек позаботился о назначении своих вице-консулов (это станет известно впоследствии), что указывает на то, что он задумал создать собственную клиентскую сеть⁶. Совет Пяти мудрецов над торговлей тем временем сообщил Лоренцо Соранцо, венецианскому послу в Константинополе, об его избрании консулом и просил о содействии в получении им консульского патента у султана [Signori, p. 133, nota 100].

Прежде чем новости о назначениях вице-консулов дошли до Венеции, в июле 1702 г. Боцис отправился в Стамбул для получения «берата» [Корти, с. 4]. Но когда центральные власти узнали о его самоуправстве, было принято решение аннулировать его патент, ибо его действия могли создать излишнюю внешнеполитическую напряженность в отношениях с Османской империей, и 16 ноября 1702 г. венецианский сенат отдал об этом распоряжение Соранцо [Ястребов, с. 295; ASVe. Senato. Deliberazioni. Costantinopoli. Registri. Reg. 36. F. 59–59 r.].

⁵ Здесь и далее квадратных скобках при публикации архивных источников добавляются слова, помогающие лучше понять смысл текста.

⁶ Так, например, 7 июля н. ст. 1701 г. он выдал патент вице-консула на острове Китнос некоему Антонию Гликофридису [Οικονόμου, s. 443, nota 20; Signori, p. 134, nota 101].

Последний в своем письме в Венецию от 24 января 1703 г. ответил, что Боцис прожил в его доме несколько месяцев (как мы знаем, с июля по начало ноября 1702 г.), а затем отпросился у него в Адрианополь, где, по словам грека, у него были друзья, которые могли бы способствовать получению искомого фирмана. Это было, конечно, еще до получения ноябрьской почты из Венеции. В той же депеше посол уверенно говорит, что грек «имел целью совершенно иное. <...> Он уехал, будучи тайно вызван министром Московии, и увел с собой Дзордзи Дасколи, капитана бомбардиров-корфиотов» [Ястребов, с. 291].

Действительно, первым, кто встретился с Петром Андреевичем Толстым, послом России в Турции, был Джорджо Дасколи, который хотел наняться на русскую службу [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703. Ед. хр. 2. Л. 198 об. –199]. Он же и посоветовал послу написать Боцису письмо с предложением о найме. Впрочем, скорее всего Дасколи был просто посланцем Боциса для зондирования почвы. Когда 5 октября ст. ст. 1702 г. Толстой отправил ему приглашение, он выразился очень определенно: «соизволяешь служителем быти пресветлейшему и державнейшему великому государю моему всемилостивейшему» [Там же. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 199]. Итак, Боцис еще до получения из Венеции официального сообщения об аннулировании своего патента уже понял, что консулом ему не стать, и сразу по приезде российского посла в Адрианополь (29 августа н. ст. 1702 г.) воспользовался случаем и, как показано выше, через посредника вошел с ним в контакт с целью перейти на русскую службу.

Здесь заканчивается венецианская часть жизни мятежного графа и начинается «российская глава», не менее авантюрная и полная опасностей, особенно в первые недели и месяцы новой службы.

Основным источником информации о событиях, имевших место после его вербовки Толстым, послужит нам челобитная Боциса, которую он написал на имя царя Петра 28 мая ст. ст. 1703 г., три месяца спустя после прибытия в Москву [Там же. Ф. 41. 1703. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2]. Как уже говорилось выше, показания Боциса были записаны в Посольском приказе, благодаря чему мы знаем некоторые подробности его службы в Морее [Елагин, с. 2]. Однако до сих пор не были известны обстоятельства его побега из Османской империи.

Толстой обменялся с Боцисом несколькими посланиями, в которых уговаривал его как можно скорее прибыть в его резиденцию в Эдирне. Боцису было чего опасаться – и свои, венецианские, и тем более османские власти смотрели на него с подозрением. Для первых он был непредсказуемым бывшим корсаром, так и не сумевшим приспособиться к мирной жизни, для вторых – бывшим подданным Порты, вставшим на сторону противника, предателем, притом хорошо осведомленным о военном потенциале империи. 25 октября ст. ст. 1702 г. Толстой написал капитану последнее письмо с убедительной просьбой приехать. Значит, самое раннее в начале ноября 1702 г. грек мог прибыть в его резиденцию [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702. Ед. хр. 1. Л. 284–284 об.].

Боцис решил ехать в Россию еще до встречи с Толстым. Последняя ли неудача с консульским местом ожесточила его, или предложения русского посла были заманчивы, но решение он принял спонтанно, не посоветовавшись с близкими, свидетельством чему являются два письма его брата Дмитрия из Венеции (в пересказе на русском). В изложении переводчика слышно волнение его близких:

...внезапным своим отъездом он, контий, всех своих сродников весьма опечалил, и вотчины ево, контиевы, и сады есть в конец разоритца. Потому что он их покинул и отъехал [РГАДА. Фонд 150. 1702. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 3 об.].

В челобитной проявилась с изрядной фантазией графа, который склонен был значительно преувеличивать важность своей персоны в желании получить от царя максимальные выгоды при устройстве на службу. Вместе с тем она является единственным источником, повествующим о его побеге из пределов Османской империи.

Еще до встречи с Толстым грек нанял на свои средства капитана и 24 матроса для поездки в Россию⁷. Свои действия он объясняет так: «да показую плодоноснее начало услуги моея»⁸. Эту группу он отправил к переправе через Дунай, а сам, оставив при себе трех человек для сопровождения, приехал к послу. Тот, в свою очередь, во что бы то ни стало хотел получить от грека интересовавшие его сведения с целью дать ответ на «тайные статьи», то есть вопросы и инструкции Посольского приказа, в которых ему предписывалось, в частности, провести разведку военно-морского потенциала империи⁹. Таким образом, встреча Боциса с послом имела, кроме ознакомительного, еще и осведомительный характер. Одновременно капитан получал информацию и о своем положении, а оно становилось все более опасным. Он наверняка знал, что Венеция уже официально отозвала патент консула, поэтому его пребывание в пределах империи становилось для республики не просто бесполезным, но и вредным [Ястребов, с. 293–294]. В первую очередь это касалось негативной реакции османских властей на его контакты с русским послом. Отлично осведомленный о его местонахождении и о характере информации, которую грек передавал Толстому, великий драгоман Порты Александр Маврокордато даже прислал ему за это «выговор». По этой причине задерживаться в Адрианополе Боцис более не мог. Около середины декабря он выехал в направлении переправы через Дунай в районе Га-

⁷ «Нанял я на свои денги капитана флота морского и двадцать четыре человека корабельников по пяти рублей человеку на месяц и обещал давать им корму от того дне, в которой их нанял» (прил. 1.).

⁸ Там же.

⁹ Данные о турецком флоте, которые Боцис сообщил послу, вероятно, потом вошли в «отписку» Толстого, отправленную в начале 1703 г. в Москву (частично издана: [Толстой, с. 215–285]). Боцис же по приезде составил довольно объемное, на 27 листах, описание венецианского флота. Хранится: [РГАДА. Ф. 41. 1703. Оп. 1. Д. 1].

лаца. Это показывает, что первоначально он планировал ехать в Москву кратчайшим путем через Молдавию и Украину.

12 дней он провел «день и ночь в необычайном скаче» и, загнав по пути двух коней, добрался до Дуная. Все переправы через реку были закрыты, по его словам, ради его поимки. Кроме того, в дороге он столкнулся якобы с самими султаном, визирем и крымским ханом, а также со всей турецкой конницей, которая, как он пишет, «набежала» на него на переправе через Дунай. Тем не менее, ему удалось переправиться, встретиться со своими спутниками и вместе с ними продолжить дальнейший путь.

В Галаце бушевала эпидемия, и вдобавок к этому Боцис получил сведения, что в Молдавию отправлены «турецкие заказы» для его поимки. Все это определило его дальнейший маршрут – он двинулся в Валахию к своему старому знакомому господарю Константину Брынковяну и родственнику митрополиту Кесарийскому Хрисанфу Нотара. Поэтому поездка в Бухарест, хотя и удлиняла маршрут, но не была опасной, а скорее полезной. Боцис, однако, принял надлежащие меры предосторожности и отправил прежде туда своих людей с тремя иеромонахами, которые входили в его группу. Они должны были оповестить господаря и митрополита о его скором приезде. Сам капитан прибыл в столицу Валахии в день Рождества Христова 1703 г. и поселился не в самом городе, а в монастыре Плюмбуица (Plumbuita), что в местности Колентина (ныне – восточный район Бухареста) – древней метохии афонской обители Ксиропотам.

В самом скором времени к нему на встречу тайно («нощию») прибыли Брынковяну и Хрисанф. Господарь, кавалер российского ордена Св. Андрея Первозванного, в тот период занимал промосковскую позицию, поэтому всячески содействовал осуществлению намерения Боциса. Митрополит Хрисанф, племянник патриарха Иерусалимского Досифея, ключевого поставщика информации для российского правительства по османским делам, приходился графу, по словам последнего, родственником¹⁰. Если это так, то активное участие иерарха в судьбе графа также вполне объяснимо.

На встрече решили отправить Боциса в Молдавию, но не напрямую (в связи с имевшей место в тот момент напряженностью между соседями и родственниками – тестем, господарем Валахии Константином Брынковяну и зятем, господарем Молдавии Константином Дуккой), а в обход через территорию Венгерской Трансильвании. Граф удовлетворенно добавляет, что «утешился от них о бедствах и скорбях, прилучившихся на пути. Двенадцать дней был у них и обдарен дарами на триста рублей» (прил. 1).

Оставив при себе только трех самых близких людей (возможно, тех же самых, с которыми проделал первый отрезок пути), он отправил священников и остальных членов группы в Молдавию через Фокшаны, пограничный пункт на границе Румынии и Молдавии.

¹⁰ Степень их свойства еще нуждается в изучении. О Хрисанфе см.: [Στάθη, s. 3–12].

Господарь Брынковяну для поездки в австрийскую землю дал Боцису в качестве спутников «дву братьев чаушевых, которой zde за имя его будто посол живет». Их сопровождение должно было, по мысли господаря, помочь при переходе австро-молдавской границы. Речь идет о родственниках «чауша», вероятно, молдавского чиновника, исполнявшего при дворе румынского господаря дипломатические функции. Еще до отъезда Боциса в Австрию Константин по совету этих братьев решил попробовать устранить две проблемы сразу: помириться с господарем Молдавии и получить официальное разрешение на проезд капитана через территорию княжества, а для этого отправил в Яссы митрополита Хрисанфа с миротворческой миссией.

Пока иерарх ездил в Молдавию, Боцис двинулся на север, в Трансильванию, где, конечно же, заслужил похвалы за свои подвиги от «генерала цесарского». Других подробностей этой поездки он не приводит: через какое-то время на границе он встретился с митрополитом Хрисанфом, который сообщил, что дорога на Яссы открыта, и даже проводил его до города Тыргу-Фрумос. Далее грек отправился в столицу Молдавии и получил «пас» из рук самого Константина Дуки. В Яссах капитан пробыл пять дней и, собрав своих людей, ранее прибывших туда, достиг 26 января 1703 г. пограничного пункта Сороки.

Здесь спокойное течение путешествия опять закончилось и начались испытания, потому что спутники вступили на охваченную войной землю Украины. Первым городом, о котором упоминает Боцис, был Немиров. Путешественники стали свидетелями бегства из него казаков и прихода отрядов поляков, от которых им сильно досталось – один матрос был убит, а остальные ограблены: «и оставили нас нагих в месте незнамом и непроходимом во время зимнее». К этому несчастью прибавилась другая беда – нанятый Боцисом капитан с некоторыми другими членами группы «крамолили» на него.

Такое положение дел заставило графа бежать из Немирова: вначале он со своими людьми переместился южнее, в местечко Брацлав, а там присоединился к некоему казацкому полковнику с небольшим отрядом и достиг Ладыжина, которому не суждено было стать убежищем для беглецов. Они были вновь настигнуты поляками, причем казацкий полковник был взят в плен, а один из спутников Боциса, врач Никола Маркьяти, погиб. В горьких словах капитана отражена вся бедственность их положения: «нас бы всех порубили, естли бы не убежали с немногими казаками в лесок и оттаборилис, и так с великим трудом от лесочка до лесочка и от места до места, таяще хладом и гладом, а от жажды снег ядуще», достигли Киева 17 февраля¹¹.

В Киеве, как сообщает грек, «по прошению нашему правители града того дали нам на одеженцу денег толко двадцать семь рублей», то есть

---

¹¹ Капитан не описывает подробно событий, которые произошли с ними в дальнейшем пути следования к Киеву, однако и тех, что он привел, достаточно, чтобы понять, сколь опасным было их путешествие через опустошенную противостоянием Украину.

приняли незваных гостей не слишком дружелюбно, так что им, оборванным и ограбленным, не на что было прилично одеться в зимнее время. Поэтому, кое-как приодевшись, они «побрели» в Батурин, что еще раз подчеркивает скупость киевских властей, не давших им лошадей и подвод. Зато в гетманской столице их ждал щедрый хлебосольный прием, ибо, как пишет Боцис, «тамо превелебный господин гетман Иван Стефанович Мазепа милостивно нас принял, и снабдил одеждами и денгами, и по четырех днех отпустил нас к Москве». Грек сокрушается, что не застал царя, который уехал из российской столицы в Новгород буквально за четыре дня до его приезда, зато познакомился с его ближайшими помощниками – Ф. А. Головиным и Ф. М. Апраксиным.

Ему и его спутникам было назначено содержание из фондов Новгородского приказа, но деятельная натура графа не могла примириться с вынужденным бездействием, ведь, как он выразился, «я zde оставлен в неуправлении без належащего мне дела». Поэтому 28 мая ст. ст. он написал царю Петру челобитную, благодаря которой мы знаем в подробностях полный опасностей путь капитана из Адрианополя в Москву.

На этом, конечно, не заканчивается одиссея капитана Боциса, который, кажется, вообще не мог довольствоваться спокойным течением жизни, но всегда жаждал приключений. Осенью 1703 г. он был принят на российскую службу в чине шаутбенахта (контр-адмирала), затем строил балтийский гребной флот на Олонецких верфях, впоследствии возглавлял этот флот, обеспечивая высадки десанта, руководил проведением военно-морских операций и даже захватом городов. Его характер давал о себе знать не только на полях сражений, но и во взаимоотношениях с сослуживцами – его конфликт с вице-адмиралом Крюсом однажды едва не перерос в дуэль, а сложные отношения с комендантами российских прибрежных крепостей и подчиненными выражались в многочисленных письменных жалобах [Веселаго, с. 246–247].

Тем не менее, Иван Боцис, бесспорно, стал важным приобретением Петра I. Тот ценил его настолько, что сделал своим посаженным отцом на свадьбе с Екатериной [Берх, с. 223–226; ПиБ, т. 13, вып. 1, с. 425; вып. 2, с. 438]. Сохранилась переписка Боциса с царем [Берх, с. 233–234; ПиБ, т. 4, вып. 1, с. 251; т. 5, с. 176–177; т. 9, вып. 1, с. 491; т. 10, с. 119; т. 12, вып. 1, с. 191–193; т. 13, вып. 1, с. 173–174, 426]. Петр I по просьбе графа даже написал ходатайство перед венецианскими властями, к которому был приложен мемориал самого грека, просившего себе и своим родственникам милостей от властей Серениссимы [ПиБ, т. 5, с. 39]¹².

---

¹² Мемориал Боциса переведен на русский язык и частично опубликован [ПиБ, т. 5, с. 588–589]. Из прилагающейся к нему сопроводительной записки из Посольского приказа явствует, что написанию царского ходатайства способствовал С. Рагузинский, но письмо не было отправлено, поскольку приказные дьяки засомневались, можно ли отсылать царскую грамоту с мемориалом, написанным не царем. Была ли отправлена в конце концов эта грамота, неизвестно, но в фондах Государственного архива Венеции она не отложилась.

Не будет преувеличением сказать, что шаутбенахт был отцом Гангутской победы, которая, в свою очередь, стала прологом к доминированию России на Балтийском море и победе в Северной войне. Сам командир не дожил до Гангута, скончавшись в Санкт-Петербурге в мае того же 1714 г. В память о соратнике Петр пожелал оставить себе его шпагу. Вдова графа Полихрония получила пожизненный пенсион в 300 руб. годовых и 120 руб. на наем квартиры, а его дочери выплачивались 500 руб. в год до замужества [Берх, с. 238].

* * *

Благодаря вводимым в научный оборот архивным источникам нам довелось стать свидетелями важных событий нескольких лет переходного периода жизни Ивана Боциса (1700–1703), который за это время последовательно получил титул графа Светлейшей республики, был избран консулом Венеции в Нафплионе и на островах Эгейского архипелага, предпринял путешествие в Османскую империю, был там завербован на русскую военную службу и, избежав множества опасностей, приехал в Россию.

Изученные данные позволяют дополнить его биографию венецианского периода, добавляют информацию о круге его знакомств в Османской империи и Дунайских княжествах и, конечно, сообщают подробности его опасного путешествия. Мы видим не просто капера, правдами или неправдами собиравшего налоги для Светлейшей республики, а предприимчивого человека своей эпохи с новаторскими способностями, который мыслил по-государственному, предлагая правительству перспективные проекты. Его желание построить карьеру в области коммерции оказалось несбыточным: Боцис был слишком порывистым, его темперамент опережал темпы делопроизводства венецианцев, поэтому вскоре он вновь вернулся в привычную для себя стихию войны, в этот раз на своей третьей родине – в России.

Однако и в этом случае он меньше всего напоминает простого наемника, «солдата удачи», ведь важную роль в выборе новой службы сыграли его симпатии к российскому монарху и те надежды, которые питали в те годы многие греки. Как об этом говорил сам Боцис:

...побеждая отчизну, свойственников и имение, природную склонность уже имел, чтоб поклониться тому монарху, от которого державные десницы род греческий свободу ожидает, и послужить тому кесарю, его же слава – яко труба грома, храбрость его во всю вселенную аки новаго Александра проповедует (прил. 1).

За этими словами стоит не простая лесть. Боцис действительно поставил службу российскому монарху выше своих военных заслуг перед Венецией, пожаловавшей ему не только титул графа, но и зе-

мельные наделы. Военные и гражданские знания, авторитет в самых разных кругах Венецианской республики и Османской империи, проявленная готовность рисковать своим положением и самой жизнью произвели самое благоприятное впечатление на царя, назначившего графа шаутбенахтом и вверившего его попечению не только создание российского гребного флота, но и руководство им¹³.

Приложение 1

1703 г., мая 28

**Челобитная Ивана Федосеева Боциса
о принятии его в российскую службу¹⁴**

(Л. 1) // Челобитная Венецианина контеса Ивана Федосеева Боциса.

Благочестивейший и державнейший царь, государь милостивейший!

Избран Венецыйския тишайшия аристократии аз, контес Иван Феодосиев Бочис, нижайший раб Вашего царского пресветлого величества, в сан консулов всех Киклад и Разсеяных островов архипелага, власть, которая еще иному никому не дадеса, за премногия службы, кои я им учинил на мори и на суши от детского моего возраста на разных боях всегда иждивением моим, как и являют о сем грамоты, жалованные [в] 1700 году, также и ины различны грамоты пространно всю мою службу изчисляют. Исходя прочее, из Венеции почтен от сената оного не токмо вышепомянутым царским тяжким и велми бедственным чином, но почтена и фамилия моя вовсе от него комитовым титулом, чтоб род мой был изящнее во Елладе. Даровано мне и маетностей довольно паче всех сущих во отчизне моей.

И пришед к город Навпли Пелопониский, чин консульский надлежит [я] усмотрив, что имущем имети и грамоты от салтана, чтобы ведать мне по временам и согласие в случайных делех, того ради и другим увещанием того ж сената, вооружив фелуйку двадцать четыремя человеки, пошел я в Царь град 1702 Иуния в 12 день¹⁵.

И по кратком осмотрении и описании бывшем от мене в островах архипелага в 40 дней достиг Царя града. Бесчисленные дела, которые прилучилися послу венецыйскому, которой живет в Царе граде, удержали меня у него, и даровал он мне различные надзоратайства, поблегчая старость свою от неких бедственных случаев. Вручил мне и дела Морea всего, в который город выслал я из Царя града пятьдесят четыре фамилии, написав пелопониским держателем, чтоб их снабдели маетностями, доволными к пропитанию и конечному забвению отчизны их Константинополя.

---

¹³ При подготовке материала соблюдались правила публикации исторических документов XVII–XVIII вв. Текст набран с сохранением орфографических особенностей оригинала, но славянские буквы заменены русскими, «ѣ» и «ѡ» на концах слов опущены. Пунктуация современная. В квадратных скобках добавлены слова, помогающие понять смысл текста [см.: Правила издания исторических документов в СССР].

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность за помощь в расшифровке документа В. Г. Ченцовой и Л. Котовану.

¹⁵ То есть, «прибыв в Нафплион, я узнал, что тому, кто избран консулом, надлежит иметь грамоту и от султана».

Обаче жегом от природныя склонности, которую имел ко славе и победе Вашего царского величества, непрестанно увещевал корабельников и художников, чтоб они ехали сюда, в царствующий град Москву, как можно известится о сем у купеческих людей русских и от брата капитана Стамати, которые всегда были у дел моих, и я желал от них слышать о имени Вашего царского величества.

Не знаю, как сия моя склонность достигла и во уши послу вашему, сущему в Царе граде, Петру Андреевичу Толстому. [Он] прислал ко мне письмо чрез греченина в Царь град, чрез которое зовет меня в службу к Вашему царскому величеству, обещевая мне Вашу государскую милость и жалованье сугубо, нежели кое оставил я в Пелопонисе и островах архипелага, припоказуя мне время прилично и нужно велми и призывая меня во Андрианополь, чтоб с ним переговорить о разных делех. Того ради размышляя аз, чего имел отрещися вовсе, а от другия страны – уветы и обещание не токмо посла Вашего, но и господаря Волошеского и нынешняго святейшего вселенского патриарха кир Гавриила, и Хрисанфа, митрополита Кесарийскаго, и иных многих архиереев. Побеждая отчизну, свойственников и имение, природная (так! – А. Я.) склонность уже имел, чтоб поклонится тому монарху, от которого державныя десницы род греческий свободы ожидает, и послужить тому кесарю, его же слава – яко (Л. 1 об.) // труба грома, храбрость его во всю вселенную, аки новаго Александра проповедует. Умыслил отрещися отчизны, матере, братии, сожительницы, чад, сродников, друзей, чести, власти, сана, маетностей, имения и аще что ино могла бы иметь фамилия изящне по обычаю Пелопонисса и приити сюды и смирится под ноги милостиваго православнаго и великого царя миру всего. В услугу предаю по древнему моему желанию жизнь, от Бога родителями моими мне данную, в повеления его, якоже желает.

Прочее яко да показую плодоноснее начало услуги моея, прежде отшествия моего из Константинополя нанял я на свои денги капитана флота морскаго и двадцать четыре человека корабельников по пяти рублев человеку на месяц и обещал давать им корму от того дне, в которой их нанял, а наипаче с советом посла вашего, которой на ту державу прислал ко мне в Константинополь прежде пять сот, последи сам он дал мне во Андрианополи шесть сот пятьдесят левков, обещав мне, что сколько еще сверх того издержу про них и про себя от Вашего царского величества будет мне дано по скаске моей, кроме духовника моего и дву иеромонахов, которые тех карабельников на Дунай, будто своих челядников, провели ис турецкие земли с лекарем и со семью человеки челядницы моими.

А я тогда един остался во Андрианополи с тремя человеки ради речи с послом вашим по его писму, присланному ко мне. И едучи я к нему по обычаю консулев венецких, стался великий мятеж в турках, потому что меня знали на салтанском дворе, и впал в великое бедство, и, переговоря с послом о разных делех, дал ему краткое описание турецкого флота по прошению его. О чем уведев, Маврокордат прислал ко мне с выговором, что не надлежит мне общение иметь с послом московским и ходить в дом его бес повеления султана. Так посылал и к послу с выговором, чтоб меня не принимал в дом свой, ни увещавал итти к Москве, и не успел толко указов розослать по всем дорогам на Дунае, и в Волохах, и Мунтянех, чтоб меня на пути изловили и привели во Андрианополь к везирию, о чем уведен от приятелей моих подробну.

Немедля купил я осмь коней [и] з Божию помощью из Андрианополя поехал чрез Галата¹⁶. И сказал мне Петр Андреевич Толстой, чтоб мне всячески проити чрез Венгры и Германию, дав мне и письма ко князь Петру Алексеевичу Голицыну, чтоб мне помог в потребах моих, а янычар, кои у меня караулили, послал с писмами моими во Царь град, будто ради моих дел.

И оттуду, будучи я день и ночь в необычайном скаче, достиг в 12 дней на Дунай. И тамо все перевозы заперты ради меня обрет многое число дней. Заплатил перевозчикам, переехал, оставя двух коней, от трудного и нужного пути издохших. Не опишю пространно бедствий, на пути прилучившихся: как наехал в пути на самого султана и на визиря, такожде и на крымского хана, которой ехал на Дунай реку, еще как набежала на меня вся турецкая конница при Дунае реке – о сем и не припоминаю Вашему царскому пресветлому величеству. Едучи в Галата, нашел на моровое поветрие, в том граде воюющее, и уведал от неких приятелей о заказах турецких, кои посланы в Молдавию, и убоявся, поехал немедля в Волошскую землю, ведая господаря Волошского быти помощника намеренному делу моему и доброхота крайняго здешнему царству, имея и писма к нему от посла Вашего, а людей своих послал напред к нему с вышереченными тремя попами, чтоб меня там ждали до указу, а наипаче чтоб мне видетися с митрополитом Хрисанфом, сродником моим.

Сего ради и проехав я в Букурест на день Христова Рождества, стал тайно в монастыре Пломбоита¹⁷, обвестил одному господарю да Хрисанфу о себе чрез игумна монастыря того и виделся с ними двема да с столником их нощию, и утешился от них о бедствах и скорбех, прилучившихся на пути. Двенадцать дней был у них, и обдарен дарами на триста рублей. По общему их совету поехал я чрез венгерскую землю с тремя токмо человеки, чтоб не почаял господарь Молдавский, что чрез Бокурест проехал я ради их некоторых ссор, кои меж ими тогда были, а трех попов с прочими людьми послал я чрез Фоксан¹⁸. И дали мне провожатых дву братьев чаушевых, которой zde за имя его, будто посол, живет.

И едучи я чрез венгерскую землю, а люди в Гиаси умыслили, (Л. 2) // лучше зная указы от везиря, посланные о мне к господарю тому, послать Хрисанфа в Гиас помирить дву господарей, а мне бы дать свободу проехать чрез Сороку и Трансальванию¹⁹. И едучи он, Хрисанф, назад, встретился со мною на границе молдавской и венгерской, обнадежил меня ехать в Гиас, обаче тайком за страх от множества татар тамо тогда обретающихся, и проводил меня он до Тергоформос²⁰. Не припоминаю Вашему царскому величеству чести и приятства, что показал мне в венгерской земле генерал цесарской, слышав, что иду служить вам, а наипаче гонения бывшее (так! – А. Я.) мне от турок, когда ловили меня однакож с четыреста драгун.

Оттуда проехал в Гиас, и господарь того места дал мне пас, и будучи там я пять дней, собрал всех моих людей, поехал чрез Сороку, в которую приехал в 26 ианнуария 1702 (так! – А. Я.) года, а оттуда – на границу Черкасскую,

¹⁶ Галац (Galați) – город и порт на востоке Румынии в устье Дуная.

¹⁷ Plumbuita.

¹⁸ Фокшаны (Focșani) – город на границе Валашского и Молдавского княжеств.

¹⁹ Из текста челобитной не до конца ясно, что за «люди» имеются в виду. Возможно, это был совет упомянутых братьев «чауша».

²⁰ Тыргу Фрумос (Țărgu Frumos) – город на северо-востоке современной Румынии. Тогда территория Молдавского княжества.

достиг и прославил Бога, от толиких бед на пути избавльшаго и доведшаго мя по желанию моему к Вашему царскому пресветлому величеству.

А мятежи и войны болшие у них с поляки довели нас видеть всякие беды человеком несносные, потому что, пришед мы в Немиров, нашли казаков, как город оставляли и бежали от поляков, и, набежав, [поляки] разбили нас и убили человека моего матроза Филипа Монтили до смерти, а пожитки, денги и платье – все пограбили и оставили нас нагих в месте不知名 и непроходимом во время зимнее. И такую нуждою понужден наипаче во время ратное и трудное, [к тому же] люди мои на меня крамолили, а наипаче – капитана (так! – А. Я.) с товарищи. И убоаясь я, воротился в Бреслав²¹ и оттуду с полковником казацким пошел во Владыжню²². И там напад на нас поляки, полковника пленили, а моего лекоря Николо Маркяти убили. И нас бы всех порубили, естли бы не убежали с немногими казаками в лесок, и оттаборились.

И так с великим трудом от лесочка до лесочка и от места до места, таяще хладом и гладом, а от жажды снег ядуще и идучи, достигли в Киев февраля в 17 день. И по прошению нашему правители града того дали нам на одеженцу денег толко двадцать семь рублей. И тем приодев наемных моих, побрели в Батурин, и тамо превелебный господин гетман Иван Стефанович Мазепа милостивно нас принял и снабдил одеждами и денгами. По четырех днех отпустил нас к Москве.

И благодатию Божию пришли мы в царствующий град, обаче злосчастье мое и zde меня не допустило видети пресветлое лице Вашего царского величества, общаго отца и питателя нам, странным пришелцам, потому что за четыре дни Ваш, великого государя, в Новгород поход стался. Также едва улучил видети единожды и господина адмирала Федора Алексеевича Головина, которой явил ко мне крайнюю милость, отслав меня к господину адмиралтейцу Федору Матвеевичу Евпраксину (так! – А. Я.), которой по отшествии его zde остался.

И по немногих днех и господин адмиралтейц поехал на Воронеж, и я zde оставлен в неуправлении без належащего мне дела, а как бы мне сподобится видети Вашего царского пресветлого величества лице, пришелец будучи, способа не знаю, сего ради молю Вашу царскую тишайшую державу: повели, государь, пред твое царское лице в тамошнем настоящем походе поставить меня, раба Твоего, чтоб я сподобился поклониться тому царю, за коего пресветлое имя толико я пострадал и толикого богатства и чести отрекся во отчизне токмо сим непременно, чтоб послужити Тебе, великому монарху, и возвестити некие дела, полезны места сего и времени настоящего к потребе.

С Москвы мая 28 числа 1703 году.

Смирный слуга контес Иоанн Бочес

Τῆς σοῦς μεγαλότητος δούλος ταπεινὸς Κώντεις Ἰωάννης Θεοδοσίου
Μπότσης

РГАДА. Ф. 41 (Сношения с Венецией). 1703. Оп. 1. Д. 3.

Подлинник

²¹ Брацлав – поселок городского типа в современном Немировском районе Винницкой области Украины.

²² Ладзыжин – город в Винницкой области Украины. Расстояние между Брацлавом и Ладзыжиным – примерно 30 км.

Приложение 2

1703 г., августа 5

**Указ Петра I о выдаче И. Боцису жалованья
из Новгородского приказа**

(Л. 2 об.) // И 1703 г. августа 5 великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержец, пожаловал венецианина контия Ивана Бочеса: велел ему дать своего великого государя жалованье и на прокормление в приказ сто рублей взамен вместо Ратуши из Новгородского приказа от расходу. Прислано о том письмо ис похода из Петр Поля чрез почту за рукою боярина Федора Алексеевича Головина, и о даче тех денег от государственного Посольского приказа послать в Новгородской приказ указ.

Дияк Иван Волков

Дияк Михайло Родостамов

РГАДА. Ф. 41 (Сношения с Венецией). 1703. Оп. 1. Д. 3.

Отпуск

Библиографические ссылки

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота : в 4 ч. СПб. : Морская тип., 1831. Ч. 1. 1204 с.

Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб. : Тип. В. Демакова, 1875. 652 с

Елагин С. И. Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702–1725 : в 4 т. СПб. : Тип. Морского м-ва, 1866. Т. 3. 749 с.

Корпи М. Капитан «Малина». Венецианец из Адриатики в Балтийском море // Клио. 2014. № 4 (88). С. 97–104.

ПиБ – Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1887–2003.

Правила издания исторических документов в СССР. М. : Гл. арх. упр-е при Совете министров СССР, 1990. 186 с.

Толстой П. А. Описание Черного моря, Эгейского Архипелага и Османского флота / сост. И. В. Зайцева, С. Ф. Орешкова. М. : Наталис, 2006. 304 с.

Ястребов А. О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого. М. : ИД «Познание», 2018. 398 с.

Pedani M. P. Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna // Mediterraneo in armi [secc. XV–XVII] / a cura di R. Cancila. Palermo : Quaderni-Mediterranea, 2007. P. 175–205.

Signori U. Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Milano : Università degli studi di Milano, 2017. 448 p.

Οικονόμου Μ. Το Προξενείο του Αρχιπελάγους στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο // Παρουσία. 1991. № 7. S. 433–481.

Στάθη Π. Χρύσανθος Νοταράς, Πατριάρχης Ιεροσολύμων: Πρόδρομος του Νεοελληνικού Διαφωτισμού, Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (ΑΠΘ). Σχολή Φιλοσοφική. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας και Λαογραφίας, 1995. 288 s.

References

- Berkh, V. N. (1831). *Zhizneopisaniya pervykh rossiiskikh admiralov, ili Opyt istorii rossiiskogo flota v 4 ch.* [Biographies of the First Russian Admirals, or Experience in the History of the Russian Fleet. 4 Parts]. St Petersburg, Morskaya tipografiya. Part 1. 1204 p.
- Elagin, S. I. (1866). *Materialy dlya istorii russkogo flota. Baltiiskii flot 1702–1725 v 4 t.* [Materials for the History of the Russian Fleet. Baltic Fleet 1702–1725. 4 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. Vol. 3. 749 p.
- Korti, M. (2014). Kapitan “Malina”. Venetsianets iz Adriatiki v Baltiiskom more [Captain Malina. A Venetian Man from the Adriatic and the Baltic Seas]. In *Klio*. No. 4 (88), pp. 97–104.
- Pedani, M. P. (2007). Consoli veneziani nei porti del Mediterraneo in età moderna. In Cancila, R. (Ed.). *Mediterraneo in armi [secc. XV-XVII]*. Palermo, Quaderni-Mediterranea, pp. 175–205.
- PiB – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1887–2003). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya.
- Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR* [Rules for Publishing Historical Documents in the USSR]. (1990). Moscow, Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR. 186 p.
- Signori, U. (2017). *Proteggere i privilegi dello straniero. I consoli veneziani nell'Impero ottomano tra Sei e Settecento*. Tesi di Dottorato in storia, cultura e teorie della società e delle istituzioni. Milano, Università degli studi di Milano. 448 p.
- Tolstoi, P. A. (2006). *Opisanie Chernogo morya, Egeiskogo Arkhipelaga i Osmanskogo flota* [Description of the Black Sea, the Aegean Archipelago and the Ottoman Fleet] / comp. by I. V. Zaitseva, S. F. Oreshkova. Moscow, Natalis. 304 p.
- Veselago, F. F. (1875). *Ocherk russkoi morskoi istorii* [Essay on Russian Maritime History]. Part 1. St Petersburg, Tipografiya V. Demakova. 652 p.
- Yastrebov, A. O. (2018). *Russko-venetsianskie diplomaticheskie i tserkovnye svyazi v epokhu Petra Velikogo* [Russian-Venetian Diplomatic and Church Relations in the Era of Peter the Great]. Moscow, Izdatel'skii dom “Poznanie”. 398 p.
- Οικονόμου, Μ. (1991). Το Προξενείο του Αρχιελάγου στο βενετοκρατούμενο Ναύπλιο. In *Παρουσία*. No. 7, s. 433–481.
- Στάθη, Π. (1995). *Χρυσανθος Νοταράς, Πατριάρχης Ιεροσολύμων: Πρόδρομος του Νεοελληνικού Διαφωτισμού*. Διδακτορική διατριβή, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης (ΑΠΘ). Σχολή Φιλοσοφική. Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας και Λαογραφίας. 288 s.

The article was submitted on 18.02.2022